

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛЕНКО

ПРЯЧЬСЯ,
ДЕВОЧКА,
ОН
УЖЕ
ЗДЕСЬ...

Любовь сильнее смерти.

Василий Гавриленко

Прячься, девочка, он уже здесь...

«Издательские решения»

Гавриленко В.

Прячься, девочка, он уже здесь... / В. Гавриленко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747712-7

Ты одна. Тебе никто не верит. Все считают тебя сумасшедшей, говорят: ты живешь в своих фантазиях, твое место в психушке. По их словам, дорогие тебе люди просто погибли в аварии. Но ты знаешь, это — ложь. Твои родители, брат и твой парень стали пленниками демона Мисоша. Теперь тебе предстоит вступить в схватку с демоном, со всем миром и... и с самой собой. Прячься, девочка, он уже здесь. Твой страх. Победи его, и ты спасешь тех, кто тебе дорог. И всегда помни — всегда! — любовь сильнее смерти.

ISBN 978-5-44-747712-7

© Гавриленко В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Сумрачный Карп	7
Фил Маршал	11
Соня Маршал	14
Зеленые волосы	17
Школа с углублённым обучением	21
Ихтиандрское братство	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Прячься, девочка, он уже здесь...

роман

Василий Гавриленко

*Если ты долго смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя.*

Ф. Н.

© Василий Гавриленко, 2016

© Евгений Мартынович Сомов, дизайн обложки, 2016

© Светлана Сергеевна Лосятинская, фотографии, 2016

Редактор Дарья Андреевна Ивашкевич

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Когда мне было двенадцать лет, то больше всего на свете я боялся темноты. Той темноты, которая наступала, когда мама гасила свет в моей комнате. Мне казалось, что стены раздвигаются, и я лежу в кровати в центре огромного мрачного мира, населенного загадочными пугающими существами.

Когда я стал взрослым, то перестал бояться темноты, так как понял, что по-настоящему страшна бездна тьмы внутри каждого из нас.

Эта история про Соню Маршал, девочку, которой пришлось заглянуть в эту бездну

Сумрачный Карп

Сумрачный Карп был одинок, однако считал себя счастливым человеком. Он уже стал забывать, когда поселился в заброшенном доме неподалеку от лесного озера в нескольких километрах от рыбацкого поселка, но чувствовал себя здесь словно рыба в воде. Ему нравилось и то, что кладбище – покосившиеся кресты в окружении могучих дубов – было рядом и прямо из нынешнего дома он проследует когда-нибудь в дом новый, не меняя места жительства.

Карп сторонился людей. Лишь раз в два месяца, а то и еще реже, навещался в поселок пополнить запас спичек, соли и, по возможности, хлеба. Заодно платил за электричество.

Бородач с беловатыми, глубоко посаженными глазами, в древнем рыбацком плаще, он был не похож на других и довольно комичен. Но жители поселка вовсе не считали его смешным и побаивались Сумрачного Карпа. Когда он шел по улице с огромным мешком на плече, высоко держа голову, бородою протыкая пространство, то чувствовал на себе настороженные взгляды из-за занавесок. Собаки лаяли на него из подворотен, но выскочить и покусать странного путника не решались.

Если же навстречу Сумрачному Карпу попадался житель поселка – непременно кивал головой, здороваясь (а ну-ка сглазит, чудище белоглазое!), а пройдя мимо, плевал вслед (чур меня!).

Поговаривали, что Сумрачный Карп занимается черной магией или, того хуже, пишет трактат. Слухи эти, конечно, не облегчали суровой жизни отшельника.

Зато на озере здорово ловилась рыба: карпы с крупной, в двухкопеечную монету чешуей, караси-сковородки. Никто, кроме Карпа, здесь не рыбачил: в округе хватало других озер, еще более щедрых.

Лишь изредка поселковые ребятишки шныряли поблизости от Карпа. Он не гнал их, однако никогда не заговаривал с ними.

Со временем вокруг озера образовалось болото, и теперь только отшельник знал безопасный подход к чистой воде. Лес матерел, разрастался, отбивая у людей малейшее желание навещать Сумрачного

Карпа, чему он был несказанно рад. Один раз в год, в день святого – покровителя рыбаков, в поселке устраивалась большая Ярмарка. Тогда на центральной – и единственной – площади поселка (который, кстати сказать, дорос до небольшого городка и получил гордое название Ихтиандр), загорались бумажные фонарики, зазывая публику в цветные веселые балаганчики. В них разыгрывались кукольные представления, в которых высмеивался мэр соседнего городка – Обжора Льюис. Заезжие и доморожденные музыканты играли какофонию, жители жгли большой костер и танцевали, разумеется, самые смелые из них или самые пьяные. Остальные же стояли и глазели:

– Ой, посмотри, Матильда, как твоя Алиска отплясывает, бесстыжая! Хоть бы старейшин постеснялась!

– Сами вы хороши! Все кошки в Ихтиандре знают, что твой Жан...

Жительница неожиданно замолчала, видимо, испугавшись чего-то.

Тем не менее это был день, наступления которого ждал и стар и млад. И вот однажды в самый разгар ярмарочного веселья на площадь пришел Сумрачный Карп. Он встал неподалеку от одного из балаганчиков, снял с плеч свой мешок, неторопливо открыл его и поставил перед собой. В мешке, конечно, были карпы с красноватой липкой чешуей. Вокруг отшельника сразу же собралась толпа, забывшая про клоунов и музыкантов, но рыбу никто и не думал покупать. Сумрачный Карп глядел исподлобья, будто предчувствуя недоброе, сжимая тонкие губы. Из толпы раздался истошный вопль: «Убирайся в свое болото!» Гнилой помидор, заготовленный для Обжоры Льюиса, просвистел рядом с головой Сумрачного Карпа. Площадь одобри-

тельно загудела. Женщина с багрово – красным лицом, словно рассерженная курица, выскочила из толпы и принялась клевать пришельца в плечо.

– Уходи! – вопила она. – Здесь таким не место! Колдун проклятуший! Никому не нужна твоя тухлая рыба!

Карпу захотелось съездить кулаком по красной физиономии, но он вовремя сообразил, что потом эти люди, наверное, разнесут его тело по кочкам. Он молча поднял мешок – несколько карпов выпрыгнули наружу и лежали в пыли, выпучив глаза. Сумрачный Карп не взглянул на них и пошел вперед – толпа нехотя расступилась, сожалея, что интересное представление так быстро закончилось. Кто-то за его спиной захихикал. Отшельник, сверкнув глазами, обернулся. В тишине он вышел с площади, все так же высоко держа голову, прошел по узким улочкам и скрылся в лесу.

На небольшом пригорке, где он когда-то собирал землянику, силы оставили Сумрачного Карпа, он сгорбился, а потом вдруг упал лицом в траву и глухо зарыдал, точно жалуясь на обидчиков матери-земле.

После этого случая отшельник не покидал своей обители. Электричество скоро отключили за неуплату, но дров и хвороста в округе хватало, и Сумрачный Карп не боялся превратиться в снеговика. Хуже приходилось без хлеба и соли. Сначала он просто не мог есть пресную рыбу и сильно отощал, но со временем привык и даже гордился этим. Хорошо, что он успел сделать солидный запас спичек, которого вполне могло хватить на долгие годы – только нужно было следить, чтобы не отсырели.

Дом Сумрачного Карпа был весьма крепок, и отшельник называл его замком. Даже самый ветхий старожил здешних мест, если бы такой нашелся, не сказал бы, когда и кем была построена эта каменная твердыня.

Каждый день с восходом солнца Карп шел на озеро и возвращался, когда макушки деревьев краснели от заката. Из помятого ведра в разные стороны торчали рыбы хвосты. В доме отшельника везде встречалась рыба – лежала в ящиках, висела большими гроздьями на бечевках под потолком, даже кучами валялась на полу. Не стоит и говорить, какой дух от нее шел, но хозяина это не смущало.

Иногда Сумрачный Карп видел во сне свою семью. Когда-то он не был Сумрачным Карпом, а был Родионом Серпиновым, и у него была жена и маленькая дочь. Семья. Какое красивое слово!

Но сны были жуткие, потому что он видел жену и дочь не здоровыми и веселыми, а мертвыми – на двух одинаковых столах в окружном морге, куда его вызвали на опознание. Вот он подходит, слегка пошатываясь от бессонной ночи, к двум белым горкам, одной большой, другой маленькой, и едва слышит за спиной притворно – равнодушный голос полицейского.

– Готовы? – черные, с зелеными прожилками и большими белками глаза пожилого негра настороженно смотрят на него. Родион Серпинов кивает головой и в ужасе отворачивается: он не в силах видеть беззащитно-бледное лицо Анны – его жены.

Родион Серпинов кивает головой и просыпается Сумрачным Карпом: надо плестись на рыбалку – утро, привычный крик петуха и роса по колени.

Озеро стало единственным другом. Другом бессмертным – это для Карпа было сейчас главнее всего. Уход близких – в какой-то мере предательство, он больше не желал быть преданным.

Как-то раз Сумрачный Карп рыбачил со своей старой, пропахшей смолой лодки. День был словно больным, плаксиво накрапывал дождь, дубы недовольно шумели. Вдруг ему почудилось, что кто-то пристально уставился ему в затылок.

«Дети!» – решил Карп, и злость начала есть его душу. Из поселка прогнали и тут шпионят!

– Какого дьявола вам надо?! – крикнул он в пространство и вскочил. Лодка закачалась.

Взгляд как будто исчез. Тяжело дыша, отшельник опустился на свой насест, кутаясь в плащ. Зубы его выбивали дробь. Как они могли пробраться сюда, к самой кромке воды? Как могли прошмыгнуть мимо деревьев, корни которых хлебают болотную жижу? Нет троп, нет лазеек. И все же кто-то только что смотрел на него. Зверь или человек?

Это происшествие вскоре забылось под грудой ежедневных забот, и рыбак тихо жил в своем «замке». Дни и недели проплывали мимо него, как стайки мальков, не оставляя следов ни на доме, ни на сумрачном лице хозяина. Наступил сезон грибов, и Карп проводил много времени в лесу, вообще не появляясь на озере, хотя оно тянуло его к себе.

Хлестал по грязи частый дождь. Сумрачный Карп не надел свой зеленый плащ, и крупные капли проникали за ворот рубахи. Он шел бессмысленно и, скорее всего, сгинул бы в болотной топи, если бы тайная сила не вручила ему нить Ариадны. Сильный ветер подталкивал в спину, словно поторапливая куда-то. Не было мыслей: «Куда я иду? Зачем?».

Озеро взъерошилось, покрылось крупной рябью, будто огромная рыба корчилась на земле. Встревоженные дубы стряхивали с себя мокрые листья.

Непослушными пальцами рыбак отвязал лодку. Она раскачивалась, черпая воду то одним, то другим бортом, и ему стоило немалых трудов усмирить ее. Непогода как будто начала отступать, и лодка быстро удалялась от берега, подгоняемая мерно работающими веслами. Вот и середина озера.

Сумрачный Карп, согнувшись, сел у борта, рискуя опрокинуть лодку и очутиться в темной воде. Обглоданная дождем черная глубина казалась живой. Она и была живой.

«Зачем я пришел сюда?» – подумал рыбак.

– Я знаю, зачем, – ответил кто-то.

– Это ты смотрел на меня?

– Да.

Сумрачный Карп огляделся вокруг. Никого. Только дождь и озеро, вдалеке – лес. И тут отшельник увидел в пучине два огонька. Они мерцали, манили.

– Зачем ты одинок? – услышал он опять.

– Не знаю.

– Зачем ты беден?

– Не знаю.

– Зачем ты стар, болен и несчастен?

– Не знаю, не знаю, не знаю!

– Иди же ко мне!

По иссиня-черной воде поплыли невесть откуда взявшиеся желтые кувшинки. Сумрачный Карп до рези в глазах вглядывался в озеро, пытаясь снова увидеть огоньки. Их не было видно, и рыбак подвинулся к другому борту, лодка качнулась, зачерпнула воды и в ту же минуту перевернулась. Человек очутился в воде. Он держался на плаву, усиленно работая руками. Одежда между тем превратилась в двухпудовые гири. Карп сопротивлялся озеру, дождю, неведомой силе, влекущей его на дно. Он уже не мог видеть, холодная вода усилила свои объятия и проникла в нос и рот. Сумрачный Карп тонул, последний пузырь воздуха покинул его легкие и устремился вверх, унося с собой жизнь рыбака.

Отяжелевшее тело медленно опускалось сквозь толщу воды в сопровождении маленьких рыб и скоро достигло дна...

Однако произошло чудо: он вдруг почувствовал свое тело, мог пошевелить и рукой, и ногой, а когда открыл глаза, увидел настоящее подводное царство: кругом в беспорядке валялись скелеты животных и, может быть, даже людей. Однако была здесь и жизнь: водоросли, проросшие сквозь кости, тощими зелеными пальцами тянулись к свету. Сновали рыбы. Ничто не удивляло и не пугало его, напротив, казалось, что это он всех и удивил, и испугал, внёс ненужную суету в привычный, веками сложившийся уклад.

И все-таки он не был жив: легкие не пытались добыть воздуха, сердце не билось, хотя бывший рыбак ощущал фантастические легкость и силу.

Это был уже не преждевременно состарившийся Сумрачный Карп – тот погиб, не оставив следа. Родился другой, новый, неведомый. Кто он и кому обязан этим преобразованием?

Преображенный обернулся. Огромные красные глаза жалобно глядели на него. Изможденное существо, которому они принадлежали, не внушало страха и раболепия. Было ясно, что это всего лишь слуга, а вовсе не тот могучий, кто наделил силой бывшего рыбака.

– Я Хранитель Мисоша. Скоро меня не станет. Теперь ты...

Тот, кто когда-то был Родионом Серпиновым, потом Сумрачным Карпом, теперь равнодушно наблюдал гибель существа, назвавшегося Хранителем Мисоша. Оно корчилось на дне, широко раскрывая рот. Наконец, затихло, красные глаза потухли, челюсти плотно сжались. Бывший рыбак поднялся с колен, его глаза тут же вспыхнули красным огнем – зыбкий дух озера вселился в него. Опутанный ожерельями похожих на бриллианты пузырьков, новый Хранитель поплыл вверх, резкими движениями разрезая воду. Он вырвался по пояс на поверхность озера и торжественно закричал, перекрыв шум ливня и ветра.

Фил Маршал

Фил Маршал грустно смотрел в окно. В грязноватом дворике жилищного управления городка под названием Ихтиандр стоял его обшарпанный «Фольксваген» и копошились в пыли куры. Вокруг машины бродил, не обращая на кур внимания, обросший седой шерстью пес и время от времени поглядывал на Фила.

Маршалу было немногим больше тридцати, однако в волосах просматривалось серебро. Последнее время дела его семьи шли неважно, можно сказать, она обанкротилась. Фил тяжело вздохнул, вспомнив тот памятный для него разговор с шефом, в котором начальник, нагло глядя ему в глаза, заявил, что его «вынуждены уволить из-за недостатка опыта корпоративного общения». Маршал подозревал, что здесь не обошлось без Гарри – главного клерка его бывшей конторы, прижимистого подхалима и виртуозного пройдохи. Это случилось в небольшом городке, расположенном милях в двухстах к югу от Ихтиандра, и жить там стало невмоготу. Маршал, обладавший высокой самооценкой, вдруг превратился во всеобщее посмешище. Он стал угрюм, раздражителен и в конце концов заявил своей жене Анжеле, что они должны «свалить из этого гадюшника». Анжела обрадовалась, потому что и сама чувствовала себя здесь не на своей орбите: она терпеть не могла сплетен и дрызг, в коих обитатели южного городка достигли необыкновенных высот.

Однажды утром, пока сплетники и подхалимы спали, Фил сел в свой «Фольксваген», заправился у ближайшей бензоколонки (– Куда намылился, Маршал? Неужто работенку нашел? Хи-хи! – Не твое дело! Заправляй себе и помалкивай, бензиновая душа!) да и двинул на север. Так он оказался в Ихтиандре, который приглянулся ему множеством озер и тишиной.

И вот Фил смотрит в окно, которое находилось в кабинете мистера Кобелеского, пожилого, словно пылью покрытого мужчины, с огромным носом-картошкой, прической а-ля Эйнштейн и запорожскими усами. Он заведовал скромным жилищным фондом Ихтиандра.

На стене висело радио, передающее местные новости. Бодрый мужской голос перечислял события за неделю, из которых особо выделялся пожар, – сгорел сарай некоего Пржанца. Диктор перечислил многочисленные версии происшествия таким голосом, словно произошло покушение на президента. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы сделать из этих версий вывод: Пржанц – отчаянный балбес и выпивоха – сам сжег свой сарай, пытаясь сварить в соломе яичко. Словом, Ихтиандр был своего рода захолустьем, что Филу понравилось. Он хотел уединиться с семьей, что называется, на лоне природы – кругом лес, и рядом – озерцо с хорошей рыбалкой. Об этом Маршал только что откровенно сказал мистеру Кобелескому, и тот внушительно поплыл в соседнюю комнату, где у него пылился архив. Он долго шелестел там бумагами, кряхтя и чихая от пыли. Фил уже начал позевывать и клониться головой на широкий дубовый стол, когда грузная фигура конторщика возникла в дверном проеме:

– Тебе повезло, парень! – широкое лицо его светилось. – Есть отличный дом!

– Хорошо, – суховато сказал Фил, хотя внутри у него все запело.

Кобелеский принялся расписывать прелести дома, в котором раньше жил некто Родион Серпинов – добродетельный и мирный человек. По словам конторщика, дом находился в живописнейшем месте неподалеку от прекрасного дубового леса, рядом с озером.

– Правда, в этом доме давно никто не живет, – неохотно признался Кобелеский и протянул Филу цветную фотокарточку: на ней было двухэтажное серое здание. – Серпинов пропал без вести, родственников нету. Впрочем, если б и были, дом принадлежит муниципалитету. Там, конечно, малость не прибрано, но дом крепкий, замок, а не дом. Воздух там – рай на земле! – чиновник даже языком прищелкнул. Филу стало неприятно оттого, что его собеседник пытается продать воздух, но дом ему приглянулся. Кобелеский с надеждой и тревогой

установился на Маршала, и когда тот сказал: «Я согласен», – лицо конторщика озарилось улыбкой, он пожал руку Фила, уверяя, что тот не пожалеет. Потом, спохватившись, сказал:

– Да, мистер Маршал, – тут он замялся, – будете ли вы его осматривать?

– Нет, – твердо сказал Фил. – Послезавтра я хотел бы вселиться в этот дом.

– Великолепно! – восхитился Кобелеский. – Что ж, документы готовы. Остается сойтись в цене.

Тут пришла очередь смутиться Маршалу.

– Послушайте, – пробормотал он, краснея, – мистер, эээ, Козлевский...

– Кобелеский, – поправил Кобелеский, пристально глядя Филу в глаза.

– Простите, – еще больше смутился Фил. – Так вот, сумма у меня небольшая.

– Ну, знаете ли! – расстроился конторщик. – Имуущество, скажем так, не мое. Я ведь говорил вам, что дом принадлежит городу? Но... сколько у вас?

– Семь тысяч.

– Ско-лько?

– Семь тысяч.

В запыленном кабинете Ихтиандрского жилищного управления повисла тишина. Фил смотрел в окно, ожидая решения своей судьбы. Седой пес во дворе совсем охамел, пытаясь влезть на нагретый солнцем капот «Фольксвагена».

– Годится, – вздохнул Кобелеский, поняв, что выудить у Фила больше ничего не удастся.

Сказав это, он вопросительно установился на Маршала. Фил достал из внутреннего кармана пухлый сверток. Вообще-то у него было немногим больше семи тысяч, но он решил купить не дороже этой суммы и теперь радовался, что заранее отсчитал ее, иначе Кобелеский вполне мог потребовать доплаты. Маршал протянул сверток чиновнику. Тот пересчитал деньги и сунул их в стол, широко улыбаясь, после чего вынул пачку желтоватых бланков и присел за стол, собираясь их заполнить.

– Позвольте паспорт, – конторщик протянул пухлую, с широкими пальцами руку. Фила словно ударило током:

– Забыл!

Кобелеский посмотрел на него, как на инопланетное существо, раскрашенное в розовый цвет и с зелеными крапинками:

– Забыли?

По глазам конторщика Фил понял, что того подмывает сказать: «Как же тебя, дурака, угораздило ехать покупать дом и забыть паспорт?!». Маршал и сам ругал себя на чем свет стоит за рассеянность и готов был волосы рвать с досады.

– Ну да ничего, – сказал вдруг Кобелеский, махнув рукой. – Была не была. Запишем с ваших слов! Вы, надеюсь, не бандит? Не бандит, ведь так?

Глазки конторщика насмешливо ели незадачливого покупателя.

– Н-не бандит, – заикаясь, проговорил Фил, уже и сам с трудом в это веря.

Кобелеский быстро принялся заполнять бланки.

– Распишитесь здесь.

Фил поставил подпись рядом с гербовой печатью.

– Вот и все! – торжественно объявил Кобелеский, протягивая Маршалу бумажки и ключи. – Дубликаты ключей я оставляю у себя. Дом ваш, поздравляю.

– Стоп! – воскликнул Фил: от трескотни конторщика у него начала болеть голова. – Зачем вам ключи от моего дома?

– Пардон! – пробормотал Кобелеский. – Я подумал, что так будет надежнее... Впрочем, берите, берите!

«Думал, что я пропаду без вести, и он снова сможет распоряжаться домом, – догадался Фил, глядя в расстроенное лицо конторщика. – Ну, уж дудки!»

– Спасибо, – буркнул Маршал, сгребая со стола бумаги, две связки ключей, и, кивком головы попрощавшись с мистером Кобелеским, вышел из пыльного Ихтиандрского управления во двор. Он согнал седого пса, пригревшегося на капоте, неохотно оставившего теплое местечко и показавшего напоследок желтые клыки. «Фольксваген» не завелся.

«Черт побери!» – пробормотал Фил сквозь зубы, сердито надавливая на педаль сцепления. Он чувствовал, что Кобелеский глядит на него из окна, и хотел поскорее исчезнуть из поля зрения ехидных глаз. Наконец, мотор заурчал и не заглох, Фил медленно вырулил со двора, чуть не задавив нахальную собаку. «Фольксваген» поехал по улочкам Ихтиандра мимо двух и трехэтажных домов, ощетинившихся телеантеннами, с белыми пятнами постиранного белья на балкончиках, мимо заборов и деревьев, мимо живописных развалюх из красного кирпича. Ихтиандр был прост, небогат, но уютен. Во дворах играли дети, их звонкие крики радовали сидящих на скамейках старушек. Жизнь кипела здесь, и это раздражало Филадельфия. Обрушившиеся не так давно беды сделали его нелюдимым. Возможно, кто-то сочтет Филадельфия слабаком, но так уж он был устроен.

Фил сердито думал о Кобелеском: «Жулик! Отдаст он мои денежки в казну, как же! Истратит на пудру для своих усов, фигляр!»

Маршал уже покинул пределы Ихтиандра, и его «Фольксваген» бороздил пыльную федеральную трассу. Он направлялся на юг.

Изредка его обгоняли шумные грузовики. Водители-дальнобойщики бросали сверху презрительные взгляды на тархтящую развалюху Филадельфия, некоторые даже высовывались из кабины и кричали что-то обидное, неразличимое за ревом двигателей. Маршал не отвечал: впервые за долгое время он был спокоен и уверен в себе – у него появился новый дом!

Соня Маршал

Иногда взрослые задают детям глупый вопрос: «Кого ты больше любишь: маму или папу?». Обычно после долгого раздумья ребенок говорит, что любит обоих родителей одинаково. А вот Соня Маршал, когда была маленькой, на этот вопрос без тени сомнения отвечала: «Маму». Можно себе представить этого вопрошателя, если б отец Сони, уже знакомый нам Фил, стоял рядом и все слышал. Взрослый поневоле смутился бы и начал сбивчиво рассказывать об урожае кукурузы в округе, о погоде и выборах президента. В общем, Фил слегка недолюбливал свою двенадцатилетнюю дочь, тем более что, кроме нее, в семье был еще двухлетний Рики – его любимец.

Соню нельзя было назвать красавицей. Внешности она была обыкновенной. Похожих на нее девочек можно встретить в любой школе – темные волосы, слегка вздернутый веснущатый носик, короткий подбородок. Отличали ее и выделяли из толпы зеленые глаза – почти изумрудные, и светлая прядь в волосах, ниспадающих на лоб.

До того, как Фил потерял работу, отношения между ним и дочерью развивались неплохо, однако потом раздражительность отца семейства возросла, и он еще сильнее допекал Соню своими нудными нравоучениями. Девочка, самолюбивая и своенравная, как многие подростки, отвечала капризами. Но Анжела, мать Сони, будто утюгом сглаживала острые углы в отношениях между отцом и дочерью, и конфликты бывали недолгими. Хуже было то, что Соня часто не ладила со своими одноклассниками. Поэтому она обрадовалась, когда Фил, приехав из Ихтиандра, продемонстрировал домочадцам документ, из которого следовало, что они теперь обладатели дома в этом самом Ихтиандре.

Маршалы загудели, как пчелы в потревоженном улье. Они паковали вещи, носились по надоевшей квартире, которую им выделили в бывшей конторе Фила и теперь забирали обратно. Маленький Рики с любопытством глядел из своего манежика на происходящую суету. Он, казалось, все понимал и тоже был рад смыться отсюда.

Фил, отдуваясь, грузил вещи в нанятый грузовик. Ему помогал шофер – низенький неразговорчивый парень. Несмотря на скромный рост, он работал за пятерых, и скоро дело было в шляпе, то есть, в кузове. Выехать решили после обеда. Оставалась уйма времени, и Соня захотела попрощаться с Кэти – единственной девочкой в классе, с которой она дружила.

Кэти жила с бабушкой в небольшом доме на главной улице. Мамы и папы у нее не было, и если кто-нибудь спрашивал о них, Кэти смущалась и отходила в сторонку. При случае она могла отвесить подзатыльник особо приставучему мальчишке, причем выглядело это вполне сносно. Соня втайне восхищалась смелостью Кэти.

Кэти играла во дворе с сенбернаром. Увидев Соню, она схватила пса за ошейник, хотя тот и не думал бросаться на гостью.

– Уезжаешь? – спросила Кэти. В ее больших глазах светилась грусть. В городке новость об отъезде Маршалов знала уже каждая сорока.

– Да, уезжаю, – подтвердила Соня. – Знаешь, есть такой город – Ихтиандр?

Этот Ихтиандр казался Соне неземным местом.

– Ихтиандр? – Кэти удивленно вскинула брови.

– Это на севере, – пояснила Соня. – Кэт, я хочу кое-что тебе подарить.

Она протянула Кэти свой старый плеер. Та даже рот разинула, пораженная щедростью Сони.

– Это тебе на память. Ну ладно, Кэти, мне пора. А то еще уедут без меня!

– Подожди! – воскликнула Кэти и, отпустив сенбернара, побежала в дом. Собака, даже не взглянув на Соню, направилась вслед за хозяйкой и улеглась на крыльце, положив лохматую голову на передние лапы.

Кэти вернулась, неся что-то в руке. Она положила принесенную маленькую вещь в руку Соне, и та, поблагодарив, заспешила обратно. До отъезда оставалось совсем немного времени. По дороге она все же успела утолить свое любопытство и рассмотреть подарок. Это был простенький самодельный медальон, сердечко на шелковом шнурке с надписью: «Кэти от папы». Соне стало не по себе: «Зачем я взяла его? Почему не посмотрела? Наверно, он ей был очень дорог!». Но возвращаться было поздно. На бегу Соня надела шнурок на шею и спрятала сердечко под кофту. Она торопилась и правильно делала. Фил Маршал, сердито сопя, спешил ей навстречу.

– Где ты шляешься? – закричал он.

– Я только на минуту отлучилась, – ответила Соня.

– Минута у тебя резиновая! Ты хоть знаешь, сколько на часах?

Соня промолчала: она и вправду не рассчитала времени.

Грузовик, наполненный вещами, нетерпеливо тарахтел мотором. Анжела стояла рядом с ним, одетая по-походному: старые джинсы, еще более старая болоньевая куртка. Тем не менее, даже в таком наряде Анжела выглядела на миллион. Соня гордилась красотой своей матери.

Девочка юркнула в кабину. Следом за ней – Анжела с Рики на руках. Шофер хотел закури папиросу, но в присутствии дам не решился. Грузовик выехал со двора. «Фольксваген» с Филом за рулем, тоже набитый вещами, последовал за ним.

Машины поползли по улицам города, и вдруг навстречу им выскочил длинновязый человек в черном плаще. Увидев небольшую колонну, он замахал рукой и что-то закричал. Фил сжал зубы и показал человеку кулак: он уже не зависел от подхалима Гарри и мог себе это позволить. Длинновязый клерк в ответ высунул язык.

«Вот с такими людьми пришлось работать!» – подумал Фил и прибавил газу.

Скоро улочки городка, словно ручьи в речку, впали в федеральную трассу, уносящую Маршалов на север – все дальше от старой жизни, все ближе к новому счастью...

Дом оправдал ожидания Филадельфии. В старом здании таилась мощь и уверенность в завтрашнем дне. Поблизости ни офисов, ни клерков. Маршал решил добывать пропитание собственным трудом: рыбачить, охотиться, собирать в лесу ягоды и грибы. У него остались некоторые сбережения, при удаче и экономии их должно было хватить надолго.

Соня и Анжела, напротив, были шокированы и напуганы: они представляли себе дом совершенно иным. Огромный, черный, наверняка сырой, он навеял им мрачные мысли. А вокруг безлюдье, дубы сердито шумят, и что самое главное – рядом кладбище.

– Фил! – возмутилась Анжела, осмотревшись. – Это и есть твой хваленый дом?!

– А ты чего хотела за семь тысяч? – сердито буркнул Маршал. – Нам повезло, пойми! Это не дом, это – скала!

– Здесь болотные испарения, дети заболеют!

– Тебе так кажется. Здесь озеро неподалеку. Воздух – ты вдохни – здоровый, лесной! – Фил вздохнул полной грудью, однако Анжела не последовала его примеру:

– А как же Соня?

– А что Соня?

– Ей надо в школу ходить!

– Я буду возить ее в Ихтиандр. Успокойся, дорогая, я все продумал!

– Мне тут не нравится, – сказала Соня.

Фил сердито засопел.

– Соня, – ласково сказала Анжела, – может быть, лесной воздух действительно пойдет на пользу тебе и Рики.

Соня поняла, что мама говорит так потому, что другого выхода у них нет, и в любом случае, нравится или не нравится, жить придется здесь.

– Конечно, пойдет на пользу! – обрадовался Фил. – Здесь станете здоровыми и крепкими, как слоны!

Бегло осмотрев близлежащие окрестности, они двинулись к дому. Фил первым поднялся на крыльцо по сырым блестящим ступенькам. На двери была приклеена узкая полоска бумаги с надписью: «Имущество города Ихтиандр. Опечатано». На бумажке стояла небольшая сургучная печать с гербом – большой рыбой. Фил немедленно сорвал бумажку, вспомнив бюрократа Кобелеского. Дверь была заперта на большой замок, покрытый пятнами ржавчины. Маршал достал из кармана ключ и, слегка волнуясь, вставил его в отверстие. Ключ с трудом повернулся.

Фил снял замок и распахнул отчаянно заскрипевшую дверь. На него пахнуло тяжелым нежилым духом. Маршала это не смутило, он вошел в дом. В темноте нащупал выключатель и зажег свет. Соня, Анжела и Рики остались на пороге. Через несколько минут в дверном проеме появилась черная фигура и сказала им:

– Добро пожаловать домой! – Фил Маршал счастливо рассмеялся.

Зеленые волосы

Было заметно, что местные власти не утруждали себя пропажей Родиона Серпинова: дом его не был, как следует, осмотрен, рыбу не убрали, и она за прошедшее с тех пор время превратилась в груды черных скелетов. Дело Серпинова, кстати сказать, было закрыто на шестой день, вывод следователя свелся к тому, что рыбак просто-напросто утонул в болоте.

Фил пожалел о том, что заблаговременно не приехал сюда: ужасный бардак произвел на Анжелу и Соню гнетущее впечатление. Ноги по колени тонули в сухих рыбьих скелетах. Кроме того, они висели на бечевках под потолком, беспрестанно путаясь в волосах. Интерьер дополняли три кривоногих стула и засиженное мухами зеркало. Был еще кожаный диван, на вид – совершенно новый. Такова обстановка гостиной.

– Да уж, здесь придется немного повозиться, – пробормотал Фил.

– Склеп! – воскликнула Анжела. – Настоящий склеп! Какое чудовище могло здесь жить?

– Наверно, Дракула. – предположила Соня.

– Соня, не надо преувеличивать! – Анжела сделала ход назад, вспомнив, что им-то в любом случае придется жить в этом «склепе».

– О! – воскликнула Соня. – А вот и портрет Дракулы!

В затененном углу, в красивой металлической рамке, лишь чуть-чуть потемневшей от сырости, висел портрет. Изображенный на нем молодой мужчина вовсе не походил на Дракулу. Соня вздрогнула – ей показалось, что этот человек напоминает кого-то. Она где-то видела эти печальные карие глаза. Где? Вспомнить она не смогла, как ни напрягала память.

– Сейчас сделать мы ничего не успеем, – задумчиво произнес Фил. – Начнем адову работу с завтрашнего утра. А сейчас подготовим одну комнату наверху, там и переночуем. Надеюсь, там нет этой мерзости. – Маршал поддел ногой лежащие на полу скелеты.

Соня и Анжела вскрикнули: из-под скелетов выскочила крыса и, пометавшись в ужасе, скрылась в дырке в полу.

– Так, – спокойно сказал Фил. – Нужен еще и крысиный яд. Ставни с окон снять... Тоже завтра. А камин надо сейчас затопить.

Фил пошел во двор за дровами. Уже стемнело, и он включил фонарик. Осветил «Фольксваген» и кучу вещей рядом с ним. Вспомнил угрюмого парня – водителя грузовика, что привез их сюда.

«Вот шофер – золотой парень! И грузить, и сгружать помог! Надо было ему побольше денег дать! А впрочем...»

Дровяной сарай был не заперт, может быть, поэтому дров в нем было немного, а сухих и вовсе с гулькин нос. Маршал пытался выбирать их руками и тут за его спиной послышался шорох. Фил обернулся. Из круглого светового пятна от фонарика метнулся темный силуэт.

– Кто здесь? – приглушенно крикнул Фил. – Что за черт!

Никто не откликнулся. Он постоял, посветил в разные стороны – никого. «Может быть, барсук», – подумал Фил, беря дрова в охапку. Фонарик пришлось выключить и сунуть в карман. Он пошел в дом.

И вот в камине заиграл языкастый огонь. Соскучившийся по нему дом радостно запыхтел: он не любил сырости. Огонь же, не обращая внимания на то, что некоторые полена были мокроваты, веселился всюду, пел, гудел и дарил тепло. Сразу стало уютнее. Даже рыбьи скелеты не казались столь жуткими, тем более что целоваться с ними никто не собирался.

– Надо бы перекусить, – заявил Фил, глядя на огонь. – Завтра предстоит уйма работы.

– Я не хочу, – заявила Соня. – Здесь все так противно!

Камин обиженно зашипел, как бы говоря: «Ах ты неблагодарная! А я?»

– Не хочешь – как хочешь, – отрезал Маршал. – Заставлять не будем. Анж, есть что-нибудь пожевать?

Анжела принесла сумку, из которой достала большой кусок сыра, курицу и хлеб. Но сама есть не стала, сославшись на плохое самочувствие, а Фил и Рики отлично поужинали, греясь у камина.

– Однако так дело не пойдет, – сказал Фил, стряхивая крошки со свитера. – Вы должны поесть!

И он заставил женскую половину своего семейства съесть большой бутерброд на двоих.

– Так-то лучше! – удовлетворенно промолвил Фил. – Теперь – наверх!

Он пошел к лестнице и...

– Осторожно, Фил! – воскликнула Анжела, но было поздно – ступенька переломилась, и Фил коряво рухнул на пол. Соня не выдержала и прыснула со смеху.

– Что ты смеешься, мартышка?! – закричал Фил, потирая ушибленный затылок. – Он часто называл так Соню, и она обыкновенно отвечала: «А ты тогда – мартыш!». Сказала она это и сейчас.

– Соня, как тебе не стыдно! – возмущенно воскликнула Анжела, в данной ситуации не собиравшаяся выгораживать дочь. – Отец чуть не убится, а ты смеешься!

Соня молчала. Ей и в самом деле стало стыдно.

– Ладно, хватит! – Фил поднялся и вновь пошел по лестнице, на этот раз аккуратно ступая по коварным ступенькам. Они угрожающе скрипели, но все обошлось. Анжела, Рики и Соня, не такие тяжелые, как Фил преодолели это препятствие без особых проблем.

На втором этаже оказалось три комнаты: две большие и одна маленькая. Тут было не так замусорено, как внизу, и все же Маршалы немало потрудились, прежде чем привели одну из комнат в надлежащий вид. К тому же им пришлось перетащить из соседней комнаты кровать и снизу – манежик Рики.

– Порядок, – пропыхтел Фил. – Можно спать. Я лягу здесь, ты с Соней на этой кровати, а Рики будет спать в своем манеже. Ему повезло больше всех, он будет спать на привычном месте. Правда, малыш?

Он принялся гладить Рики по голове. Соне стало неприятно. Ей всегда почему-то становилось неприятно, когда кто-то при ней начинал ласкать ее брата, ей казалось, что этот добродетельный человек может переключиться на нее, а Соня терпеть не могла подобных прикосновений.

Было два часа ночи, когда семейство Маршал, наконец, уснуло. В доме повисла тишина... То есть, какая тишина? Фил храпит, хоть святых выноси. В окно – единственное, на котором не было ставен, смотрела луна, необычайно большая и яркая, мягкий голубоватый свет заливал комнату.

Вдруг в лесу кто-то вскрикнул. Резкий звук кинжалом пронзил воздух и замер. Разбудил он только Соню. Девочка лежала на постели, напряженно прислушиваясь. Было тихо (если не учитывать храп Фила), и вдруг дверь заскрипела. Страх – неотвязный, жгучий – сковал Соню. Она не могла и пальцем пошевелить: в дверном проеме стояла женщина.

Белое, как стенка больницы, лицо, под глазами – черные круги. Она была бы похожа на сбежавшую из госпиталя душевнобольную, если бы не ее волосы – длинные, спутанные, зеленые. На пол с них капала темно-зеленая слизь.

– Добро пожаловать домой, – хрипло сказала она.

Соня молчала.

Незваная гостья метнулась к манежику Рики и схватила ребенка на руки.

– Какой сладкий мальчик, – сказала она и лизнула щечку Рики красным языком. – Наверно, вкусный?

Рики не проснулся. Спали и Фил с Анжелой. А Соня не могла пошевелиться. Хотела заорать, но вместо крика получился жалкий всхлип. Держа мальчика на вытянутых руках, зеленоволосая кинулась вон, разбрасывая во все стороны капли слезы.

Столбняк, наконец, отпустил Соню, и она бросилась вниз по лестнице, рискуя свернуть себе шею. Женщина уже выскочила за дверь, махнув на прощанье зеленым флагом волос.

Соня выбежала на крыльцо и остановилась, тяжело дыша, судорожно оглядываясь по сторонам. Она увидела в ярком свете женщину с младенцем на руках. Мадонна Рафаэля!

Но Соне было не до Рафаэля, да она еще и не знала, кто это такой. Похитительница успела добежать до края участка. Ни секунды не медля, Соня бросилась за ней. Послышался детский вскрик, должно быть, Рики проснулся. Крепко же он спал! Вскрик этот придал Соне сил.

Бежали по лесу: темные, покрытые лишайниками тела деревьев, мелькали вокруг, кусты больно царапались. Впереди замаячили кресты, но женщина направилась не к кладбищу, а повернула к озеру. Она лезла к воде, утопая в болотной жиже. Рики плакал без перерыва. Соня остановилась в замешательстве: идти по болоту было страшно. Но она все-таки пошла, осторожно ступая с кочки на кочку. Похитительница тем временем достигла своей цели. Она вошла в озеро по пояс и, перехватив Рики за ногу, подняла его над темной водой. Малыш отчаянно кричал и брыкался.

– Попробуй, отними! – сказала упыря, глядя прямо в глаза Соне.

Девочка, замерев от ужаса, смотрела на нее. Огромные выпученные глаза, бледная кожа, заострившиеся уши, красные, как кровь, губы. Ветер треплет зеленую гриву.

– Не надо! – прохрипела Соня.

Рука с длинными когтями разжалась. Плеск воды...

Соня не закричала, а завопила, не узнавая свой собственный голос...

Рано утром Фил вышел из дома. Он стоял на крыльце под косыми лучами восходящего солнца с воспаленными, красными, как у вампира, глазами. Он не выспался. Но Фил привык вставать с первыми петухами, и привычка эта укоренилась в нем до такой степени, что спать он больше не мог, хоть убей. Маршал был сердит на Соню, которая разбудила его посреди ночи жутким криком. Ей приснился кошмарный сон, в котором, как она рассказала, зеленая баба, похожая на волосатую щуку, утащила Рики и – страшно сказать – утопила его в озере. На самом деле мальчишка преспокойно спал в своем манеже и даже не проснулся от вопля Сони. Анжела успокаивала дочь, а Фил ругался.

– Мама, она утопила его! – всхлипывала Соня.

– Встань, посмотри, он спит, а ты орешь! – кричал Фил.

Соня поднялась с постели и, слегка пошатываясь, подошла к манежу. Рики спал, как ангелочек.

– Завтра до фига работы, а спать не дают! – ворчал Фил.

– Хватит! – прикрикнула на него Анжела. – Она не виновата, страшный сон может каждому присниться.

Это была правда.

Лишь после того, как Анжела дала дочери успокоительную таблетку, та задремала.

Наутро Фил решил проверить территорию. Так, на всякий случай – он помнил барсука в дровяном сарае. Было уже достаточно светло, и разведку Маршал начал как раз от сарая, искал следы на заросших сорняками грядках, где отчаянно, словно гладиаторы в окружении львов, сражались за жизнь полезные растения – лук и укроп. Осмотрел клумбу, где робко пестрели цветы. Дошел до конца участка, огороженного невысоким забором, за которым небольшими шагами начинался лес: кустарник, потом невысокие деревца, затем – повыше, повыше, и наконец, вставали стеной могучие дубы.

– Черт! – Фил побледнел, как полотно. Он ловко перемахнул через забор и быстрым шагом добрался до заинтересовавшего его шиповникового куста. Фил надеялся, что ему поме-

решилось, что он видит высохшие на солнце водоросли, но это был большой клок зеленых волос. Он висел на кусте, покачиваясь от ветра, словно шиповник махал кому-то зеленой рукой.

Маршал снял клок и рассмотрел его, держа двумя пальцами как заразного котенка. Что за наваждение?

Но вспомнив, что Рики жив и здоров, а вовсе не на дне озера, Фил немного успокоился и даже смутился от своей слабости. Как-никак, он был главою немалого семейства, и бояться ему не пристало.

«Бред! Полная чепуха!» – не очень уверенно решил Фил, но вывод этот для него обжалованию не подлежал. Маршал достал из кармана зажигалку. Зеленые волосы горели неохотно, не так, как должно, чтобы осталась лишь свернувшаяся кольцом зола. Эти волосы дымились, источая болотную вонь. Филу это надоело и, не дожидаясь их полного уничтожения, он направился к дому.

Настенные часы не спеша пробили девять раз. Маршалы сидели за столом, накрытым новой скатертью. Сегодняшний завтрак был не чета вчерашнему ужину. Анжела приготовила великолепную запеканку по своему рецепту. Все уже поели, только Рики недовольно размазывал ложкой по тарелке манную кашу. Запеканки ему не дали, потому что у него аллергия на базилик. Эта травка и была главной фишкой фирменного блюда Анжелы.

– Спасибо, – Фил поднялся. – Хоть и неохота, а придется ехать в город.

– Зачем? – насторожилась Анжела.

– Как это зачем? – удивился Фил. – По-твоему, Соня должна сиднем дома сидеть, а? Зачем тогда существуют школы?

– Неохота в школу, – вздохнула девочка.

– Мало ли что неохота, – рассердился Фил, хотя именно у него Соня и научилась говорить это «неохота». – Надо, значит надо. Ну, все, поехал!

Через несколько секунд во дворе раздались привычные звуки: «Фольксваген» заурчал и заклокотал, не желая никуда ехать. Однако Фил усмирил его и, изнуренный борьбой, выехал со двора на строптивом железном коне.

Как не хотелось ему теперь встречаться с людьми, говорить с ними! Он скорее предпочел бы общество гориллы, чем какого-нибудь мистера Болтунеску или миссис Язык – Сплетневич с ехидными расспросами, попытками влезть в душу и по возможности нагадить там. Фил никому не доверял и всех опасался. Возможно, ему стоило сходить к психологу...

Проселочная дорога пролегла в живописных местах. Деревья, залитые солнцем, приветливо махали листьями. Кругом было так зелено, что хотелось смеяться и даже петь. Самые голосистые птицы старались вовсю. В открытое окно для Фила звучал целый птичий оркестр. Но ему было не до пения. Голова забита разной чепухой: сначала он думал о происшествии с зелеными волосами, потом, встряхнувшись, о том, на какую снасть лучше ловить карпа.

Но вот показался Ихтиандр, и он стал думать лишь о том, что сказать директору школы.

Школа с углу́пленн^{ым} обучением

Снаружи школа выглядела просто замечательно: покрашенный бежевой краской фасад был увит диким виноградом, а к входу вела аллея аккуратно подстриженных кленовых деревьев. Гипсовые статуи львов и крылатых богинь прятались в зелени, но белизна тел выдавала их издалека. Ни соринки, ни пылинки.

А ведь как обычно бывает в скверах перед школами? Бумажки, окурки, все оплевано, стены исписаны вдоль и поперек. Если уборщица не обнаружит где-нибудь пустой пивной бутылки, считайте, что вы попали в образцовую школу.

Фил несколько замедлил шаг, идя по аллее. Над массивными резными дверями школы – золотистая табличка: «ОКРУЖНАЯ ШКОЛА. ГОРОД ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ ИХТИАНДР».

«Вечной юности! – восхитился Фил. – От скромности не помрут, но – молодцы».

На пороге стоял парень и присутствием своим безнадежно портил идиллическую картину, сложившуюся в голове Филадельфии. Был он с виду неформал – торчащие дыбом волосы, под глазами темные круги, говорящие о многом; одет в кожаную куртку с тяжелой цепью на груди, кожаные же коротковатые штаны и ботинки на невероятно высокой платформе. Жук, черный жук.

Парень курил толстую сигарету. Курил нагло, вызывающе, нисколько не опасаясь разоблачения.

«Шпана,» – с омерзением подумал Фил. Тем не менее он сделал вежливое лицо и подошел к парню.

– Директор на месте? – спросил Маршал и пожалел об этом. Надо было заговорить с этим молокососом.

«Молокосос» не удостоил Филадельфию даже взглядом, только сплюнул сквозь зубы.

«Немой,» – решил Фил и толкнул тяжелую дверь.

Изнутри школа выглядела, что называется, стандартно, и иллюзии Филадельфии окончательно развеялись. Стены, покрашенные темно-синей, навевающей тоску краской. Потолки высокие, с обвалившейся на швах штукатуркой. Замызганный кафельный пол.

Старая уборщица терла его тряпкой, судя по всему, давно и в одном и том же месте.

– Кого надо? – сердито окрикнула она Филадельфию.

– Д-директора, – заикаясь, проговорил Маршал.

– Второй этаж.

Уборщица вновь принялась драить пол, словно собиралась сделать в нем обширную дыру.

«Вроде старается, а пол, как в свинарнике,» – недоумевал Фил.

– Свинарник у тебя дома! – вдруг крикнула ему в спину уборщица.

Вздвигнув, как осиновый лист, Фил прибавил шагу и по деревянной лесенке вскарабкался на второй этаж.

Здесь к явно страдающей от пинков детворы двери была прибитая табличка «Директор Ихтиандрской школы с углу́пленн^{ым} изучением предмета».

«Углу́пленн^{ым}? Какого предмета? Что за чепуха? – у Филадельфии голова шла кругом. – Может, углу́бленн^{ым}? Должно быть, ошибка».

Кабинет директора представлял собой средних размеров комнату. Едва войдя в нее, уловив специфический запах, Фил подумал: здесь кто-то живет постоянно. Электрическая плитка с грязной кастрюлей и полное мусорное ведро под столом отнюдь не опровергали его догадку. Впрочем, через мгновение и размышлять по этому поводу не имело смысла: со стоящего в темном углу дивана, откинув клетчатое одеяло, поднялся небритый тип и сонным голосом пробурчал:

– Тебя в дверь стучать учили?

Фил растерялся и покраснел: стоящий перед ним человек в трусах меньше всего походил на директора школы. Его морщинистое лицо окаймляли волосы, окрашенные в полинялый красный цвет. Казалось, человек этот сильно попорчен молью, как старый, никому не нужный свитер. Тусклые глаза недовольно глядели на Маршала.

– Могу я видеть директора? – спросил Фил, решив, что перед ним садовник или сторож.

– Я директор. А в чем ваше дело?

Маршал смешался, забормотал какую-то чепуху: что-то о погоде, о политике. Директор помрачнел и смотрел уже откровенно недружелюбно.

– Я Фил Маршал.

– Вижу, что не президент! Ну и?

– Я хотел бы устроить к вам свою дочь.

– А! – воскликнул директор и глаза его гостеприимно потеплели. – Без базара! Возьму! Документы с собой? Кстати, меня зовут Термос. Это не погоняло, а фамилия, учти!

Он протянул Филу липкую ладонь.

– Будем знакомы! – ни с того ни с сего Термос сильно хлопнул Маршала по плечу и заржал. Зубы у него были сплошь гнилые.

«Как такого в школу взяли? – поразился Фил, передавая Термосу аттестат Сони. – Впрочем, кто еще согласится работать с этими оторвиловцами.»

Директор, не глядя, сунул аттестат под подушку.

– Кстати, за оформление с вас полагается сотня, – проговорил Термос (куда подевалось его косноязычие!). Фил понял, что это треп и жульничество, – какое еще оформление? Но с некоторых пор он испытывал непонятную робость перед начальством и покорно раскошелся.

Термос, не скрывая радости, спрятал денежку под подушку.

– Теперь не парься! Все шито-крыто. Здесь твоей мочалке будет отпадно!

– Не называйте мою дочь мочалкой! – не сдержался Маршал.

– Какие мы обидчивые! – засмеялся Термос. – Не парься, не парься, не парься. Однако – арриведерчи! – аудиенция закончена.

И директор, напевая что-то, с неожиданной для хлипкого тела силой вытолкнул ошарашенного Фила из кабинета. Хорошо, что хоть не отвесил подзатыльник.

Шокированный Маршал спустился по лестнице. После общения с директором ему захотелось вымыть руки, и все же он был рад, что проблема все-таки разрешилась. С облегчением Фил вышел из школы, не отдавая себе отчет в том, что радуется он в основном тому, что учиться здесь придется не ему.

Парень-жук все еще стоял на пороге и ни с того ни с сего заговорил с Маршалом.

– Правда – чудак? – парень мотнул патлатой головой в сторону двери. Фил понял, что это он о Термосе, пожал плечами и быстро спустился по ступенькам.

– Не парься, – произнес ему вслед патлатый и захихикал.

На обратном пути Фил не сдержался и заехал в забегаловку, где опустошил кружку пива и, к собственному удивлению, разговорившись с толстяком – барменом, узнал кое-что из жизни городка. Оказалось, что директор Термос – двоюродный племянник местного олигарха, а парень-жук – пришлый бездельник, Термос не гонит его, а многие школьники прительствуют с ним вопреки запретам родителей, считающих, что этот оторвиловец плохо влияет на их «милых» чад.

Бармен, блестя глазами, с наслаждением молот языком. Фил слушал, и ему казалось, что он уже сотню, тысячу раз все это слышал. Поистине в любом подобном городке, в любой забегаловке с вычурным названием вроде «Приют страждущих» рассказываются одни и те же истории!

«Поганое место, – размышлял Фил, сотрясаясь в своем „Фольксвагене“ и вспоминая жадный блеск глаз бармена. – Хорошо, что мы не здесь живем.»

И вдруг ему стало страшно. Так бывает иногда: солнце светит, птицы щебечут, а твое сердце обдает холодком.

«Как там семья?» – подумал Фил и поехал быстрее.

Ихтиандрское братство

Соню разбудил будильник. Отчаянным треском он грубо ворвался в ее сон и мигом рассеял его. А ведь сон был такой, что пусть бы каждый день снился. Соня видела, как ее семья отдыхает на море. Девочке еще чудился плеск голубых волн, как она вспомнила, что отец вчера договорился насчет школы и, следовательно, бесцеремонность будильника связана с предстоящим учением. В комнату вошла мама и, открывая занавески, сказала:

– Соня, вставай! Вставай, соня.

Девочка послушно поднялась, преодолевая сильнейшее притяжение нагретой во сне подушки, умылась, оделась в приготовленную с утра одежду: она вовсе не была копушей.

Папа давно уже снял с окон ставни, мама вымела рыбы скелеты. В доме стало светло и даже уютно. Он перестал быть для Сони чужим и зловещим, становясь с каждым прожитым мигом ближе и роднее.

Соня спустилась вниз. Мама готовила завтрак.

– А где он? – спросила Соня.

– Что значит «он»? – строго спросила Анжела. – Отец пошел на рыбалку. Я провожу тебя.

– Как на рыбалку? – возмутилась Соня. – Он же говорил, что отвезет меня.

– Что-то случилось с машиной. Ты знаешь, какая она.

– Хорошо, я сама дойду, – подумав, сказала Соня. – Ты не провожай меня, ладно?

Соня представила, что Рики останется в пустом доме совершенно один.

– Мы возьмем Рики с собой, – успокоила мама, словно прочтя ее мысли.

– Нет, – твердо сказала Соня, гордясь своим актом самопожертвования. – Я одна дойду.

Вам никогда не приходилось быть новеньким? Если нет, то, вероятно, вы вспоминаете школьные годы с ностальгической улыбкой. Как там поется в песне? «О, золотое время! О время счастья моего!». Те же, кто примерил на себе шкуру новичка, поют совсем другие песни. Как стая черных птиц набрасывается на сородича – альбиноса, так школяры накидываются на новичка. Слово из рога изобилия на бедолагу сыплются дразнилки; всевозможные кривлялки сопровождаются в лучшем случае жеваной бумагой из трубочек, в худшем – отнюдь не безобидными тумачами.

Соня прекрасно знала об этом, поэтому на пороге школы сердце ее затрепетало сильнее, чем при встрече с зеленоволосой упырьей. К тому же она опоздала, усугубив тем самым свое положение.

Высокая худая учительница с желтым лицом и желтыми волосами, уложенными в пирамидоподобную прическу, резко повернулась на каблуках от доски, где она рисовала нечто авангардное. Глаза ее сурово блеснули за толстыми стеклами очков. Соня робко замерла у двери. В класс птицей влетела тишина, показавшаяся девочке зловещей. Двадцать пар глаз, как рентгеном, просвечивали бедняжку.

– Ты новенькая? – спросила учительница, скосив глаза в журнал. – Соня Маршал?

Соня кивнула.

– Ты немая?

Класс захихикал. Учительница подняла деревянную линейку, толстую, как шея мамонта, и с размаху жახнула ею по столу. Получился звук, похожий на пушечный выстрел. Смешки тут же пресеклись.

– Я не немая, – проговорила Соня.

– Садись. И впредь чтоб без опозданий, а то познакомишься с директором.

Соня принялась искать себе место. Она слышала шушуканья и смешки за спиной, но старалась не обращать на них внимания. Это у нее получалось не очень хорошо – девочка ощущала себя в чужой тарелке. Лицо покраснело, в голове назойливо крутилась мысль: «Зачем я

здесь? Как хорошо дома!». Большинство ребят сидели по двое. Лишь в предпоследнем ряду волком-одиночкой сидел черноволосый худенький мальчишка. Соня заняла место рядом с ним и... это вызвало бурю смеха. Не понимая, в чем дело, девочка растерянно смотрела по сторонам.

– А ну прекратить! – взвизгнула учительница и снова выстрелила линейкой. – Если в класс пришла новенькая, это не означает, что в честь ее прихода нужно устраивать балаган. Вот ты, Ольсен, давно ли был на месте Маршал?

Вихрастый блондин нордической внешности, смеявшийся громче всех, тут же умолк и слегка покраснел.

Соня достала из портфеля тетрадки и села за парту. Заметив, что у нее нет учебника, сосед подвинул ей свой. Соня благодарно кивнула. Мальчишка прошептал:

– Я Алекс Тимпов.

Он шепелявил, на зубах у него была закреплена исправительная скобка. Соне он почему-то сразу понравился.

– Соня Маршал, – тоже шепотом вымолвила она.

– Я знаю, – сказал Алекс, радостно улыбаясь. – Ты живешь в доме на озере.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Соня.

– Ш-ш-ш! – Алекс прислонил палец к губам, вернее, к зубам. – Кукуруза услышит! (Он с опаской посмотрел на учительницу, рассказывающую что-то визгливым голосом). Об этом все знают, у нас маленький городок.

– Тимпов и Маршал! – сурово грянул голос Кукурузы.

Соня и Алекс испуганно воззрились на нее. Учительница продолжила урок после того, как увидела страх в глазах провинившихся.

Уроки тянулись мучительно долго, но в конце концов закончились. Соня вышла из школы не одна. Ее сопровождал Алекс Тимпов и братья-близнецы Уркинсон, или попросту, Урки – Ник и Вилли – оба рыжие, большегубые. Родная мать с трудом различала их.

– Мы – Ихтиандрское Братство, – гордо сказал Алекс. – Еще с нами моя сестра Белка, но она сейчас больна и вообще в последнее время отошла от дел, слишком взрослой стала.

– А чем занимается ваше Братство? – спросила Соня и этим простым вопросом застала Тимпова врасплох. Он покраснел, мучительно напрягая мозги.

– Знаешь, пока что мы ничего такого не сделали, – признался Алекс. – Но обязательно сделаем.

– Соня, а как ты не боишься жить в доме Сумрачного Карпа? – спросил один из Урков (похоже, это был Вилли).

– Кого? – удивилась девочка.

– Она не знает! – воскликнул Вилли, повернув к Алексу возбужденную веснушчатую физиономию.

Несколько секунд они шли молча, пока Алекс не заговорил, перейдя на шепот:

– Там, где ты живешь, нечисто, понимаешь?

– Там чисто! – обиделась девочка. – Мы все убрали.

– Я не об этом! – с досадой отмахнулся Тимпов. – Сумрачный Карп – это колдун, понимаешь?

Алекс принялся рассказывать те жуткие легенды, что переходят из уст в уста, приукрашиваясь и дополняясь, над которыми, в конце концов, будет смеяться даже тот, кто пустил их в мир. Но сейчас ребята слушали, холодея от ужаса. Соня и вовсе старалась не пропустить ни слова.

– Дом, где жил колдун, не может быть чистым, – прошептал Алекс, озираясь. – Даже если ты его Фейри отдрай.

– Ребята, – хрипло проговорила Соня, Алекс и братья вздрогнули. – Мне тоже надо вам кое-что рассказать.

И она, удивляясь самой себе, пересказала недавний кошмар своим новым друзьям, хотя была знакома с ними всего ничего.

– Мне все время кажется, что это был не сон, – Соня поежилась, вспомнив бледное женское лицо, окаймленное зелеными волосами, и голос, говорящий: «Добро пожаловать домой».

– Как? – выдохнул Вилли.

– Я за дверью нашла зеленую лужицу слизи.

Подул ветерок, ребята невольно съезжились. Они уже отошли от школы на приличное расстояние и теперь стояли посреди пустой широкой улицы. Только черная собака щурилась на них, мирно лежа в траве у обочины.

– Жук говорил, – сказал Ник, – в озере живет Мисош!

Его брат хмыкнул:

– Мисош! Да этим Мисошем только малышня пугать. Вуди Рот говорит, что на озере Сумрачного Карпа действуют сатанисты.

Соня слушала, не совсем понимая, о чем это они, но одно ей было совершенно ясно: хорошего мало.

– Честно говоря, – сказал Алекс, – я больше доверяю Жуку, чем этому Роту.

– Даже такой тюфяк, как Вилли, признает, что Вуди – трепло, – сурово процедил Ник.

– За тюфяка ответишь! – выкрикнул Вилли.

Назревала гроза.

– Вы еще подеритесь, – недовольно сказал Алекс.

Урки примолкли, сопя, словно молодые мустанги. Ветер, усилившись, всколыхнул волосы школьников. Потемнело, словно солнце вдруг выпило нефти. И тут раздался вой, как будто кто-то тер без перерыва наждачной бумагой по зеркалу. Это выл черный пес на обочине дороги, выл, не задирая вверх головы, как это делают другие собаки, и при этом смотрел на ребят.

– Бешеная псина, – испуганно промолвил Алекс, и ватага со всех ног понеслась обратно к школе.

Они влетели в пустой холл, Алекс захлопнул дверь и прижался к ней спиной.

– В – видели? – заикаясь, выдохнул Ник. – Она прямо на меня смотрела!

– Глаза красные, – вторил ему Алекс, шумно дыша.

– А может, вы зря испугались? – ехидно спросил Вилли. – Не слышали, как собаки воют?

– Можно подумать, ты не перетрусил! – усмехнулся Ник. – Бежал впереди всех, только пятки сверкали.

– Ничего я не перетрусил! – обиделся Вилли. – Все побежали, ну и я. Я не виноват, что быстрее вас бегаю.

– Вот и не выступай, раз ты не виноват, – отрезал Ник. Он наклонился к Соне и шепнул ей на ухо: «Вилли всегда выпендривается». Алекс заметил это и слегка нахмурился.

– Ребята, не переименовать ли нам наше Братство?

– Как это? – нахмурился Вилли.

– Ну, например... – Тимпов сделал вид, что глубоко задумался. – Например: «Братство против нежити».

– Глупо, – вынес суровый приговор Вилли. – «Братство против нежити». Прямо как дети.

Алекс покраснел и засопел, сверкая глазами. Соня была уверена, что если бы он не прижимал дверь спиной, то кинулся бы на в драку, поэтому поспешила сказать:

– А мне нравится. Вилли, мы ведь и правда еще дети.

Урк хмыкнул и пожал плечами, он-то считал себя взрослым с годовалого возраста.

– Соня, а как ты пойдешь домой? – тревожно спросил Ник. – Нам-то близко, а тебе?

Соня не успела ничего ответить: по пустой школе гулко раздались шаги. И отступить было некуда: за дверью вполне мог притаиться черный пес.

– Наверно, это Термос, – прошептал Алекс, бледнея.

Перспектива встречи с директором была страшнее, чем воющая красноглазая собака, и школьники уже хотели открыть дверь и выскочить на улицу, как с лестницы раздалось:

– Эй, Братство!

Это был не Термос. К ребятам подошел, стуча по кафельному полу толстыми подошвами, тот самый парень, что так невежливо общался с Филом Маршалом на пороге школы.

– Жук! – обрадованно воскликнул Алекс. – Привет.

Он протянул Жуку руку и тот милостиво ее пожал. Было заметно, что Тимпов теперь не будет мыть руки, по меньшей мере, неделю.

– Здорово, Урки, – Жук повернулся к братьям. Те с нескрываемым восторгом приветствовали его и тоже были польщены, когда парень пожал их вспотевшие ладони.

– А это кто? – Жук посмотрел на Соню светлыми холодными глазами. – И где Белка?

– Белка болеет, – сообщил Алекс. – А это – Соня Маршал. Она живет в доме Сумрачного Карпа.

Жук сморщился, словно у него заболел зуб.

– Вот как! Значит, это по вашей милости проснулось зло?

– Что это значит? – удивилась Соня.

– Мисош, – непонятно пояснил Жук.

– Кто такой этот Мисош?

В дверь постучали. Алекс держал ее, напрягшись; лицо его налилось кровью.

– Что за чепуха? – удивился Жук. – Зачем ты держишь дверь? Открой.

– Там пес, – прохрипел Алекс. В дверь давили с нарастающей силой.

– Какой еще пес? – недовольно спросил Жук. – Открывай!

Алекс отскочил от двери. Она распахнулась, ветер ворвался в школу. Пса не было, а была воронка из воздуха, маленький смерч. Ребята замерли. Воздух в воронке начал сгущаться, зеленеть, и вдруг вместо нее возникло человеческое лицо, которое Соня узнала бы из миллиона: зеленоволосая упыря.

Голова девочки закружилась, она вновь услышала кривляющийся голос: «Добро пожаловать домой».

– Сгинь! – страшно прошептал Жук и, подавшись вперед, швырнул в призрака попавшимся под руку предметом – небольшой пластиковой урной. Урна пролетела сквозь призрак и разбилась на куски. Наваждение исчезло...

«Братство против нежити» еще приходило в себя после столкновения с этой самой нежитю, а Жук уже как ни в чем не бывало насвистывал «Кармен».

– Что это было? – спросил Алекс, безуспешно пытаясь унять дрожь.

– Расслабься, – весело сказал Жук. – Это посланец Хранителя. Мы все теперь его злейшие враги, потому что угрожаем Мисошу.

От этой новости «Братству против нежити» стало не по себе.

– Чем это мы ему угрожаем? – мертвым голосом проговорил Вилли.

– А хотя бы тем, что дружите с ней, – Жук кивнул в сторону Сони. – Но не грузитесь грустью, жизнь прекрасна.

Он и вправду ничего не боялся.

– Соня рассказала нам кое-что, – вспомнил Алекс.

Черный парень мигом посерьезнел:

– А ну-ка...

Пришлось Соне снова рассказывать историю с зелеными волосами. Жук внимательно слушал, изредка кивая головой и шикая на влезавшего с комментариями Вилли.

– Соня, это серьезно, – сказал он, впервые называя девочку по имени. – Не обернут ли теперь твой брат?

– Что значит обернут? – испугалась Соня.

– Упырем стал, – пояснил Вилли.

– Спасибо, приятель, – сказал Жук, с иронией посмотрев на Урка.

Соне стало не по себе – она и подумать не могла ни о чем подобном.

– Ему всего два года.

– Это не имеет значения, – отрезал Жук.

– И что теперь делать? – Соня почувствовала, что ее глаза жгут непрошеные слезы.

– Для начала, – Жук достал из кармана зеленую бутылочку с какой-то жидкостью и протянул ей, – пусть твой брат понюхает это, и все станет ясно.

– Что станет ясно? – спросила Соня, с опаской, но и с надеждой глядя на бутылочку.

– Это – упырий бальзам. Понюхав его, обернутый является в своем истинном образе. Бери, не бойся!

Девочка взяла бутылочку, и ей показалось, что в ней что-то плавает. Она поднесла ее поближе к глазам и... едва не выронила.

– Но-но, аккуратнее, – сердито предостерег Жук. – У меня, по-твоему, целая аптека?

– Там человек, – проговорила Соня.

И правда, в зеленоватой жидкости купался большеглазый человечек меньше мизинца. Он смотрел на Соню и улыбался, распластав нос по стеклу. Потом кивнул ей, отплыл от стенки бутылки и зарезвился в жидкости, как дельфин.

– Упырий нехристь, – пояснил Жук. – Живет в болоте и жутко воняет.

– А с виду не скажешь, – сказала пришедшая в себя Соня, с улыбкой следя за резвящимся в бутылке малюткой. – Такой милашка!

– А что если нам понюхать снадобье? – вдруг предложил Вилли.

Жук рассмеялся.

– Молодец, Урк, хорошая идея. В самом деле, а вдруг среди нас отыщется упырь или вампир?

Все как один посмотрели на Соню.

– Вы думаете, я?.. – Соня покраснела до корней волос. – Нет, ребята, клянусь вам!

– Ну что ты, – поспешно сказал Алекс. – Мы и не думали. Правда, Жук? Мы все понюхаем. Давай я первый.

Он взял у Сони бутылочку и принялся отвинчивать крышку. Маленький человечек испуганно метнулся на дно и замер там, сидя на корточках и заметно дрожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.